
Глава 18. Поместье Пэнлай

К востоку от Чанъаня, в десяти ли от городских ворот, на живописных склонах горы Цзинхэ раскинулось поместье Пэнлай.

— Гляди-ка, откуда здесь столько повозок? — принц Чжао приподнял бамбуковую занавеску экипажа, с любопытством разглядывая непрерывающийся людской поток на дороге.

Восьмому принцу, У Чэнзюэ, носившему титул принца Чжао, едва исполнилось пятнадцать лет. Его матерью была наложница Линь-чжаои.

Поместье Пэнлай издавна служило излюбленным приютом для столичных книжников. Здесь поэты слагали вирши, а благородные мужи искали уединенного досуга в кругу верных друзей. Пейзажи усадьбы менялись с каждым временем года, неизменно радуя глаз, а изысканное убранство залов и диковинные безделушки выдавали безупречный вкус хозяина. Со временем это место полюбилось как утончённым литераторам, так и высокопоставленной знати. Вся столичная элита съезжалась сюда отдохнуть от мирской суеты. И хотя служанки в поместье щеголяли в изящных нарядах и отличались редкой миловидностью, никто из гостей не позволял себе фривольностей — сказывалось уважение к обществу. Способность усадьбы процветать на самой окраине столицы, сохраняя безупречную репутацию и обходя острые углы придворных интриг, заставляла многих шептаться: за кулисами Пэнлая стоит неординарный и весьма могущественный человек.

Облик усадьбы разительно отличался от привычной столичной архитектуры. Высокие ворота гостеприимно распахивались настежь, а взмывающие к небу узорные карнизы и многоярусные галереи, выкрашенные в сочные киноварные и изумрудные тона, ласкали взор праздного путника. У входа застыли два каменных слона — новшество, невиданное в здешних краях, где у ворот традиционно водружали грозных каменных львов. На расспросы любопытных слуги лишь вежливо улыбались, поясняя, что их господин прибыл из далёких южных земель, а слоны, по преданиям тех мест, притягивают богатство и оберегают покой гостей.

На воротах красовались парные надписи:

«Стоя приветствуем благородных гостей со всех сторон света — и Пэнлай наполняется друзьями;

Сидя любимся сменой времён года — и дивная природа сливается с гармонией здешних мест».

Внутри поместье делилось на четыре просторных двора, названных в честь времён года, причём Летний и Зимний дворы воссоздавали экзотические южные пейзажи.

Обычно здесь собирался лишь узкий круг утончённых столичных ценителей, избегающих суеты. Нынешнее же столпотворение карет и праздной толпы казалось делом небывалым, что и вызвало искреннее изумление юного принца.

Государственный наставник Шангуань Фэнлань, до этого тихо сидевший в углу экипажа с закрытыми глазами, открыл глаза и взглянул в окно.

— Похоже, намечается что-то любопытное, — негромко заметил он.

Принц Чжао махнул рукой, подзывая ехавшего верхом слугу:

— Разузнай, в чём дело.

Вскоре тот вернулся и протянул принцу две тонкие, изящно оформленные брошюры.

Развернув плотную бумагу, сложенную гармошкой, У Чэнзюэ увидел на обложке тиснёный иероглиф «Поэтическое состязание». Внутри содержалось краткое приглашение и правила соревнований, а в самом конце красовался список наград.

— Какая изысканная затея, — хмыкнул принц, пробегая глазами строчки. — И устроители явно не поскупились на призы! За первое место обещают подлинный свиток каллиграфии самого Ван Сяньчжи. За второе — кувшин редчайшего вина «Янтарный свет». Третьему победителю достанется сотня золотых, а те, кто войдёт в первую десятку, получают по десять золотых монет.

— Ваше Высочество знакомы с хозяином этой усадьбы? — поинтересовался Шангуань Фэнлань.

— Мельком виделись, — отозвался принц. — Его зовут У Даоци, в столице его величают просто господином У. Человек он на редкость начитанный, остроумный и повидавший мир. Настоящий мудрец! Да только нрав у него бродячий: вечно странствует по дальним краям, порой даже собственные слуги не знают, где его искать. Всем заправляет управляющий по фамилии Янь — сухарь сухарем, упрямый и педантичный, точно старый пенёк. Так что если вы, учитель, надеялись побеседовать с хозяином, боюсь, сегодня нас ждёт разочарование.

— Пустяки, — мягко улыбнулся государственный наставник. — Мною двигало лишь праздное любопытство. Но раз уж в поместье Пэнлай затеяли поэтический вечер, там наверняка соберётся весь цвет столичной словесности. Наша поездка в любом случае не окажется напрасной.

Переступив порог усадьбы, они словно оказались в ином мире. Повсюду мелькали изящные силуэты, шуршали шёлковые юбки, раздавались взрывы беззаботного смеха и тихий девичий

шёпот. Пёстрая толпа талантливых мужей и прекрасных дев заполняла тенистые аллеи.

В одном из уединённых уголков сада устроилась компания молодых литераторов. Оживлённо споря об императорских указах и государственных реформах, они то и дело пригубливали горячее вино, которое им предупредительно подливали очаровательные хозяйки вечера — причём девушки не просто прислуживали, но и с лёгкостью подхватывали нить беседы, выказывая недюжинный ум.

Чуть поодаль, по правую руку, шумела игра в стихотворные фанты. Аккомпанируя декламаторам, юная дева перебирала струны пипы. Нежные, переливчатые звуки, подобные россыпи драгоценного нефрита на серебряном блюде, идеально ложились на ритм слагаемых экспромтом стихов.

Даже в столь ранний час поместье бурлило яркой, полнокровной жизнью.

— Надо полагать, эти девицы — хозяйки Пэнлая? — залюбовавшись происходящим, негромко произнёс Шангуань Фэнлань. — Поистине, редкое сочетание красоты и утончённости.

Молодой принц Чжао, в силу возраста питавший слабость к весёлым забавам, давно успел оценить таланты местных обитательниц.

— Ещё бы! — с жаром подтвердил он. — Пусть они и числятся здесь лишь утончёнными наперсницами для бесед, но их познания изумляют. Каждая сведуща в музыке, живописи и каллиграфии, знает каноны и историю, да вдобавок способна поспорить с любым мужем о государственных делах!

Среди столичных щеголей бытовала поговорка: в западной столице есть три места, не посетив которые, глупо утверждать, будто бывал в Чанъане. Это весёлая Башня Красных Рукавов, изысканный Ресторан Облачной Террасы и благородное поместье Пэнлай.

Ресторан Облачной Террасы славился своим фирменным меню под гордым названием «Поднебесная — одна семья». Каждое кушанье там было шедевром: необычайные способы приготовления, новаторская, утончённая подача и драгоценная утварь, изготовленная по особым эскизам. Поговаривали, что даже на императорской кухне не сыскать подобного великолепия. И хотя цены кусались, столичная знать выстраивалась в очередь за право оттрапезничать в этих стенах.

И в этом не было ничего удивительного: ведь за спиной Цзин Юньшу стоял бесценный опыт пятидесятилетней кулинарной истории Поднебесной — лучшие рецепты, доведённые до абсолюта поколениями поваров, некогда ублажавших капризы великих правителей.

Сам ресторан занимал внушительную площадь — добрую половину квартала Янькан. Заведение разделялось на две части, каждая со своими воротами и вывеской. Восточный вход вёл в роскошные закрытые покои «Обитель орхидей», предназначенные для уединённых встреч

знати. Западные же ворота гостеприимно встречали простых горожан вывеской «Закуски Облачной Террасы», предлагая недорогие, но невероятно вкусные уличные яства, снискавшие огромную любовь в народе.

Что касается Башны Красных Рукавов, то прежде там тоже держали высокообразованных девиц для ведения бесед. Однако Цзин Юньшу рассудил практично и перевёл их всех в поместье Пэнлай. Он прекрасно понимал: как ни берегись, а сухим из воды не выйдешь. В увеселительных заведениях вроде Башны Красных Рукавов публика собирается простая и грубая. Какой бы чистой и гордой ни мнила себя девица, праздные гуляки всё равно будут смотреть на неё свысока и не упустят случая распустить руки. А если какой-нибудь влиятельный чиновник восплачет страстью и потребует отдать ему приглянувшуюся красавицу, как прикажете поступить? Отказать господину — навлечь вежливый гнев на всё заведение. И ведь не побежишь жаловаться судьям, уповая на закон и справедливость.

Увеселительный дом создан для утех, и незачем городить вокруг этого ложную благопристойность. Девицы в Башне занимались своим прямым ремеслом, однако Цзин Юньшу превратил пошлое заведение в настоящее искусство: песни и танцы там были невиданными, наряды — воздушными, словно утренний туман, а искусно наложенный грим подчёркивал неповторимую красоту каждой прелестницы.

Столичные модницы наперебой копировали эти диковинные образы. Женский век короток, а мужское внимание изменчиво, и если девицы из Башны Красных Рукавов ухитрялись пленять сердца знатных мужей лишь при помощи румян и белил, то и благородные дамы из знатных семейств, завидев подобное чудо, спешили повторить его в своих покоях.

Конечно, знатные жёны из гордости не могли открыто подражать продажным женщинам, но девицы из поместья Пэнлай были совсем другим делом. Их благородный статус «учёных дев» позволял почтенным дамам без зазрения совести перенимать у них фасоны платьев, причёски и макияж, превращая обительниц усадьбы в истинных законодательниц моды империи Чжао.

Хотя здешние девы также скрашивали досуг гостей, благодаря тонкому расчёту Цзин Юньшу положение их было несоизмеримо выше. Поместье Пэнлай тоже служило для отдыха, но ключевым правилом здесь была безупречная утончённость. Неважно, обладал ли гость истинным благородством души или просто напускал на себя важный вид — переступая порог усадьбы, каждый невольно проникался духом высокой поэзии и усердно строил из себя книжника. А нацепив маску благородного мужа, человек уже не мог позволить себе низких поступков: никто бы не посмел распускать руки или принуждать здешних дев к близости, опасаясь прослыть неотёсанным мужланом.

Даже самым отъявленным подлецам приходилось рядиться в одежды добродетели. Посмей кто-нибудь учинить бесчинство, и вся пишущая братия усадьбы тут же предала бы его позору в своих виршах. Здешние поэты разносили слухи быстрее ветра: их едкие стихи за пару дней разлетались по всем кабакам столицы, а затем уходили в провинции. Стоило раз оступиться — и дурная слава гремела от столицы до самых окраин Поднебесной. Разумеется, чиновники и знатные господа предпочитали не рисковать своим честным именем.

Поскольку здешние девы славились исключительной чистотой и талантами, почтенные матери семейств и юные барышни без малейшего смущения копировали их наряды. Женское стремление к красоте неизменно во все времена, и вскоре румяна, белила и изысканные украшения из лавки «Алые уборы десяти ли» стали раскупаться с невероятной быстротой.

Впрочем, именно на такой исход Цзин Юньшу и рассчитывал, когда с математической точностью выстраивал порядок открытия своих лавок и заведений.

Шангуань Фэнлань остановился перед оштукатуренной белой стеной, на которой чья-то искусная рука оставила свежие стихотворные строки. Государственный наставник вчитался в иероглифы, мысленно оценивая слог.

— Поговаривают, среди гостей завёлся на редкость скромный поэт, упорно не желающий называть своего имени, — заметил принц Чжао, проследив за его взглядом.

И действительно, это было удивительно. В Пэнлай то и дело заглядывали министры и почтенные старцы из Канцелярии. Оставь молодой книжник под своим творением подпись, его стихи могли бы заметить сильные мира сего, что значительно облегчило бы путь к чиновничьей карьере. Да и сама возможность выставить своё творение на всеобщее обозрение в месте, где собирались лучшие умы столицы, считалась величайшей честью. Отказаться от такой славы мог лишь истинный бесребреник.

Услышав это, государственный наставник с любопытством спросил:

— А разве в поместье Пэнлай существуют особые правила для настенных стихов?

В их краях поэзия пронизывала все слои общества — от безвестных торговцев до членов императорской семьи. Хмельные литераторы обожали писать стихи где придётся: от стен полуразрушенных храмов до дворцовых переходов. Неужели стены какого-то частного поместья ценились выше императорского камня?

— Правила здесь строгие, — с улыбкой пояснил принц Чжао. — Усадьба хоть и зовётся приютом муз, но посмей каждый гость писать прямо на стенах — никакой Великой стены не хватит. Поэтому для обычных стихов слуги предлагают плотную бумагу, которую затем аккуратно вставляют в рамки и вывешивают в залах. Что же касается наружных стен во дворе, то раз в два дня устроители объявляют тему для поэтического поединка. Лишь одна-две лучшие работы удостоиваются чести быть начертанными на белой штукатурке. А в награду победителю полностью оплачивают все угощения за его столом.

Шангуань Фэнлань не удержался от тихой усмешки:

— Тот, кто придумал этот устав, обладает воистину незаурядным умом и тонко понимает человеческую природу.

Проиграв состязание сегодня, уязвлённый поэт непременно вернётся завтра, да ещё и приведёт с собой искусных товарищей, чтобы восстановить попорченную честь. Если же в пылу спора соперники проникались взаимным уважением и становились друзьями, поместье превращалось для них в памятное, почти священное место. Каменные стены Пэнлая, возможно, и уступали в блеске императорским покоем, но в глазах книжников они обладали куда большей ценностью. Так рождалась слава, превосходящая любые рекламные уловки.

Когда государственный наставник и его спутники углубились в сад, они заметили у ворот группу гостей, прощавшихся с уезжающим товарищем. От ворот поместья тянулась ухоженная тропа, ведущая напрямик к придорожной беседке в десяти ли от города. Вдоль дорожки хозяин велел высадить плакучие ивы. Эта беседка прославилась на всю Поднебесную благодаря щемящему душу стихотворению «Прощание с Цзыюем», в котором поэт описывал традиционный обряд преломления ивовой ветви перед долгой дорогой. Подпись под свитком гласила: «Начертано в беседке у ворот поместья Пэнлай».

Это простое упоминание принесло усадьбе невероятную славу, сыграв на тонких струнах души каждого образованного человека. У Даоци, завидев в этом золотую жилу, немедленно выпросил у Цзин Юньшу особый рецепт и наладил производство мягкого, не бьющего в голову вина. Назвали его поэтично — «Золотой ветер и нефритовая роса».

К слову, когда У Даоци только загорелся этой идеей и пришёл выпрашивать рецепт, он первым делом попросил Цзин Юньшу придумать благородное название для нового хмельного напитка. Тот лишь лениво отмахнулся: «В поэзии я не силен, выкручивайся сам».

В итоге двое почтенных мужей, внезапно обнаруживших собственное косноязычие перед лицом высокого искусства, уныло замолчали. На подмогу позвали телохранителя Чжун И и лекаря Цинь Юнвана. От прямолинейного Чжун И толку было мало — он смыслил в изящной словесности не больше боевого коня. Цинь Юнван честно попытался помочь и предложил несколько вариантов, но все они подозрительно напоминали названия горьких целебных отваров. Вспомнив, что учеников лекаря зовут Мутун и Лундэньцао, Цзин Юньшу лишь мысленно вздохнул. Назови они вино в честь какого-нибудь целебного корня, изысканная публика подняла бы их на смех, так и не пригубив ни капли. В конце концов название пришлось придумывать самому У Даоци, и оно оказалось на редкость удачным.

<http://bllate.org/book/18296/1760697>